

Д. В. Жабин

О НЕОБХОДИМОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К ПОНЯТИЮ “ЭМОЦИЯ”

В современной литературе нет однозначного определения понятия “эмоция”. Данная проблема освещается с разных точек зрения в целом ряде наук, каждая из которых рассматривает это явление по-своему. Чтобы проследить разность понятий и доказать целесообразность междисциплинарного подхода, мы обратимся к нескольким позициям, представленным в современной литературе.

Прежде всего, *эмоция* (от лат. *emoveo* — потрясаю, волную), в более широком психологическом значении, рассматривается “как субъективная реакция человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющаяся в виде удовольствия или неудовольствия, радости, страха и т. д.”¹ Кроме того, следует добавить, что эмоция отражает в форме непосредственного переживания значимость явлений и ситуаций и служит одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальных потребностей.

В социологии формирование эмоций человека — важнейшее условие развития его как личности. Только став предметом устойчивых эмоциональных отношений, идеалы, обязанности, нормы поведения превращаются в реальные мотивы деятельности. При этом нельзя обойтись без разнообразия ситуативных эмоций, которые социологи объясняют сложностью отношений между предметами, потребностями человека и деятельностью по их удовлетворению. При этом высший продукт развития эмоций человека — *чувства*, которые отвечают высшим социальным потребностям и выражают отношение человека к общественным явлениям, другим людям, самому себе. Они отличаются стабильностью, *независимостью от состояния организма* и наглядно воспринимаемой ситуацией².

Несколько иную позицию в отношении сущности понятия эмоций занимает психиатрия. Так, врачи утверждают, что эмоции различаются степенью осознанности. Конфликт между осознанными и неосознанными эмоциями чаще всего лежит в основе неврозов. Важную роль играют эмоции в этиологии и синдромах не только психических, но и соматических расстройств.

Неврология рассматривает в качестве основы, на которой возникают эмоции, физиологические процессы, происходящие в

мозгу и организме в целом как результат интегрированных корково-подкорковых комплексов возбуждений, формирующихся на основе наследственного и приобретенного опыта. В реализации эмоций участвуют структуры мозга различных уровней, которые в совокупности с ретикулярной формацией ствола головного мозга составляют центральный нервный субстрат эмоции. Важно заметить, что любые *повреждения мозга*, изменяющие интеграцию возбуждения, *приводят к нарушению эмоциональной реактивности* и, прежде всего, способности человека (животного) адекватно оценить результаты совершаемой деятельности³.

Эмоции возникли в процессе эволюции как средство, при помощи которого живые существа определяют биологическую значимость состояний организма и внешних воздействий. У человека выражение эмоций реализуется, в первую очередь, посредством языкового поведения. Именно поэтому нам как лингвистам представляется интересным рассмотреть и проанализировать эмоциональность и экспрессивность речи.

О. С. Ахманова рассматривает речь экспрессивную, эмоциональную и эмоционально окрашенную. “Экспрессивность (наличие экспрессии) — выразительно-изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей образность и эмоциональную окрашенность. Эмоциональная речь (аффективная, эмотивная) — относящаяся к выражению чувств, настроений, субъективного отношения”⁴. При исследовании эмоционально окрашенной речи различают такие параметры, как: эмоциональная долгота, эмоциональная окраска, эмоциональные оттенки, эмоциональная речь, эмоциональная лексика, эмоциональное слово, основным содержанием которых является выражение чувств.

Принимая во внимание исходное положение, что все эмоции разделяются на *положительные* и *отрицательные* и могут быть рассмотрены по соответствующим векторам, рассмотрим точку зрения Е. Н. Винарской⁵, которая считает, что “в основе эмоций личности обычно различают три основные модальности: 1) *радость*, 2) *горе*, 3) *гнев/страх*. Иногда гнев и страх рассматривают как самостоятельные модальности, и тогда исходных эмоций становится четыре. В таких исходных эмоциях человека еще много общего с эмоциями животных. Эмоции любой модальности выражаются комплексами эмоционально выразительных средств, паралингвистические интонации иногда называют звуковыми жестами. Все паралингвистические средства формируют у наблюдателя полисенсорные, прежде всего, зрительные и слуховые образы эмоцио-

нально выразительного поведения человека, в которых особое значение имеют их интонационные компоненты”⁶.

Таким образом, Е. Н. Винарская, пользуясь методом научного синтеза, предлагает концепцию эмоций человека со следующими принципиальными чертами:

“Во-первых, биологический подход к проблеме дополняется знаковым подходом, адекватным для общественных наук.

Во-вторых, оценочная функция эмоций рассматривается как орудие распределения энергетических ресурсов организма и, следовательно, как отправная точка активности личности, в том числе творческой.

В-третьих, все эмоциональные единицы в предлагаемой концепции оказываются опосредованными познавательным опытом, т. е. формируют некие биологические и личностные смыслы.

В-четвертых, они подвергаются двойному упорядочиванию: с одной стороны, в зависимости от объективного содержания соответствующих биологических и личностных смыслов, с другой — в зависимости от их зонной субъективной ценности — подпороговой, положительной, отрицательной, а также — низкой, высокой, прогрессивной и регрессивной.

В-пятых, эмоции получают в этой концепции иерархическую структуру с основанием в виде универсальных, наследуемых по генетическим законам непрерывных эмоционально-активных состояний и их знаковыми производными в виде дискретных комплексов чувств и волеизъявлений личности, имеющих социально обусловленные форму и содержание.

Следовательно, принципиальная структура эмоций личности рассматривается в качестве инварианта внутренней образной формы искусства, становится возможным применение ценностной шкалы эмоций также и к стилистической проблематике, т. е. получается инструмент для анализа эмоционально выразительных средств языка”⁷.

Анализ литературы показывает, что единого представления о сущности понятий “эмоция” и “экспрессия” и их отражения в речи (языке) не сложилось. Различными авторами ставятся вопросы об отражении эмоциональных состояний в языке языковыми и речевыми средствами; о наборе эмоций: чем интенсивнее эмоции, тем экспрессивнее их выражение в языке; об экспрессивной функции языка, которая реализуется на всех уровнях его структуры при помощи специальных средств (“в фонетике — интонация, в словообразовании — аффиксы, в лексике — особый слой слов, в синтаксисе — порядок слов, актуальное членение, особые кон-

струкции и т. д.”); о соотношении понятий “эмоция” и “экспрессия” (понятия эмоции и экспрессии близки, но не совпадают, т. е. эмоции — чувства различного рода, экспрессия — выразительность)⁸.

Французский лингвист Ж. Вандриес писал: “...чувства, естественно, выражаются интонацией, модуляцией голоса, быстротой речи, силой произнесения того или другого слова или же жестом, сопровождающим речь. Одна и та же фраза в произношении может приобретать тысячи изменений, соответствующих малейшим оттенкам чувства. Драматический актер, произносящий свою роль, должен для каждой фразы найти вполне соответствующее ей выражение и верную ноту: в этом ярче всего проявляется его дарование. Фразу, которая на бумаге является мертвой и лишенной выражения, он оживляет своим голосом, он вдыхает в нее жизнь. Таким образом, узнав значение слов и проанализировав грамматически фразу, мы еще не исчерпали ее содержания. Надо еще определить ее аффективное значение.

Эта задача встает перед психологом, изучающим природу чувств, также перед актером, стремящимся воспроизвести их на сцене, в меньшей степени эта задача стоит и перед языковедом. Эти чувства приобретают значение для этого последнего только тогда, когда они выражены лингвистическими средствами”⁹.

Итак, чувства только тогда приобретают значение для лингвиста, когда они выражаются языковыми средствами. Однако эти средства до сих пор не систематизированы.

Основная трудность состоит в том, чтобы разграничить чисто лингвистические факторы и экстралингвистические, на которые довольно часто ориентировано восприятие эмоциональной речи. Для лингвиста важно выявить именно языковые способы передачи эмоциональности.

Степень эмоциональной насыщенности фразы зависит от контекста, в который она помещена, или от речевой ситуации.

О лексике и синтаксисе фраз, признаваемых эмоциональными, писали еще Ш. Балли, А. Сэше, Ж. Вандриес. Так, Ш. Балли делит все экспрессивные стилистические средства на аффективные и логические. Ж. Вандриес утверждает, что степень эмоциональности фразы возрастает при употреблении эмоциональной лексики. А. Сэше говорит, что эмоции разрушают синтаксическую структуру фразы. Но, разрушая структуру, принятую в письменной речи, они создают структуры, свойственные разговорной речи, которые затем используются не обязательно для выражения эмоций¹⁰.

Таким образом, по мнению лингвистов, эмоции постоянно нарушают некие идеально средние нейтральные конструкции.

Можно ли рассматривать эмоциональную насыщенность не как нарушение языковых норм, а как необходимый элемент некоторых сторон высказывания, имеющих четкие языковые характеристики?

Видимо, механизм проявления эмоций в речи состоит в том, что некоторым специализированным средствам языка присуща передача эмоций совместно с основной информацией.

При рассмотрении данного вопроса необходимо также обратиться к работе Н. С. Трубецкого “Основы фонологии”, в особенности к разделу “Фонология и звуковая стилистика”. Экспрессивную функцию речи автор рассматривает в характеристике говорящего. “Все, что служит в речи для характеристики говорящего, выполняет экспрессивную функцию. Элементы, выполняющие эту функцию, могут быть весьма многообразными: принадлежность говорящего к определенному человеческому типу, его физические и духовные особенности и т. д. — обо всем этом можно судить по его голосу, по его произношению, по общему стилю его речи”¹¹.

Экспрессию Н. С. Трубецкой относит целиком к сфере стилистики. “Стилистика изучает экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, т. е. выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства”¹².

Разговорная речь всегда в большей или меньшей степени эмоциональна. Естественно, что носители языка могут существенно отличаться друг от друга по степени эмоциональности или рассудочности своей натуры. Но часто логически мыслящий человек вынужден пользоваться общераспространенными средствами, чувствуя, что аффективная речь — это лучший способ внушить свою мысль собеседнику. “Каждый прекрасно понимает, что он пользуется речью не для того, чтобы говорить с самим собой и не только ради самого себя... Всякий подменный разговор — это схватка, это не борьба двух умов — соперниками выступают две личности в целом: одно “я” стремится восторжествовать над другим. Даже в самой невинной и самой мирной беседе всегда затрагиваются жизненные интересы собеседников, потому что каждый из них всегда вкладывает в нее что-то личное, будь то реальная заинтересованность, осознанное желание или чистый инстинкт, неосознанный импульс, неопределенное чувство. Стоит лишь немного понаблюдать над фактами, чтобы убедиться в одном: говорящий почти всегда стремится донести до слушателя и навязать ему не

столько логическое содержание, сколько ее субъективную сторону”¹³. Здесь уже проявляется апеллятивная функция речевых средств (по Н. С. Трубецкому). Она состоит в возбуждении в собеседнике определенных чувств, причем сам говорящий эти чувства далеко не всегда переживает.

Исходя из сказанного, представляется более логичным оценивать степень не эмоциональности речи, а ее напряженности. Таким образом, для оценки речи, по нашему мнению, необходимо понятие, которое выходит за рамки конкретных эмоций, тем не менее способное характеризовать состояние говорящего человека. Это подтверждает наше предположение о том, что понятие сущности эмоций и инструмент для их исследования могут сложиться только при междисциплинарном подходе.

¹ Большая Советская Энциклопедия. М., 1978. Т. 30. С. 169.

² Цит. по: Там же.

³ Там же.

⁴ *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов: [Около 7000 терминов]. 2-е изд. М., 1969. С. 386.

⁵ *Винарская Е. Н.* Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). М., 1989. С. 16—22.

⁶ Там же. С. 16—17.

⁷ Там же. С. 21—22.

⁸ *Тимофеев К. А.* Об экспрессивных средствах синтаксиса русского языка // Экспрессивность на разных уровнях языка: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1984. С. 3—5.

⁹ *Вандриес Ж.* Язык. М., 1937. С. 181.

¹⁰ Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976. С. 229.

¹¹ *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960. С. 24.

¹² *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961. С. 330—331.

П. П. Щербинин

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗРЕНИЯ ВОЕННЫХ ИНВАЛИДОВ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ В РОССИИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

Система призрения (социального обеспечения), правительственной и частной поддержки семей военнослужащих, инвалидов и военных вдов не имела в России значительной исторической традиции, а начала складываться с обслуживания регулярной русской армии в XVIII в.¹ Заметим, что представители военного сословия